DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-87-93
УДК 81'373.45

**ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА С ИНОЯЗЫЧНЫМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ:
К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ДУХLESS» СЕРГЕЯ МИНАЕВА)**

© Анастасия Мубаракшина

**UNDERSTANDING TEXTS WITH FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS:
ON COMMUNICATIVE STRATEGIES
(BASED ON THE NOVEL “DUHLESS” BY SERGEY MINAEV)**

Anastasia Mubarakshina

The article studies the issues of cognitive linguistics and text semantics. The novelty of the work is the introduction into the scientific circulation of new language material, which has not yet come under linguists' attention in terms of communication strategies and tactics, and cognitive linguistics in general. The subject of the study is the strategy of reading comprehension of texts with foreign language inclusions, found in contemporary fictional discourse. The study is based on the vocabulary of the novel “Duhless” by the famous epatage writer Sergei Minaev. The paper identifies and typologizes communicative tactics that implement the studied strategy. We distinguish four groups of tactics, based on the features of functioning of foreign language inclusions in the text, and methods of explaining the meaning of a foreign language word. The article determines the type of graphic representations of a word or phrase in the text and analyzes the identified conceptual metaphors, which allows revealing the essence of the author's conventional ways of understanding reality as well as predicting communicative successes or failures that arise in the process of distant communication between a writer and a reader. This study contributes to the development of the comprehension theory in a situation of distant communication, and confirms the provisions of cognitive linguistics related to the dependence of a person's physical experience of interactions with the surrounding world.

Keywords: cognitive linguistics, text semantics, fictional discourse, comprehension strategy, foreign lexis, conversational turn, conceptual metaphor.

Статья посвящена исследованию, выполненному в русле когнитивной лингвистики и семантики текста. Новизна работы заключается во введении в научный оборот нового языкового материала, который еще не попадал в сферу внимания ученых-лингвистов в аспекте коммуникативных стратегий и тактик в частности, а также когнитивной лингвистики в целом. Предметом изучения стала и получила комплексное описание стратегия обеспечения понимания текста с иноязычными вкраплениями в современном художественном дискурсе. Материалом исследования послужила лексика романа «Духless» известного эпатажного писателя Сергея Минаева. В работе выявлены и типологизированы коммуникативные тактики и ходы, реализующие исследуемую стратегию. Выделено 4 группы тактик, основанных на особенностях функционирования иноязычных вкраплений в тексте и способе пояснения значения иноязычного слова. Определен тип графической репрезентации слова или фразы в тексте, произведен анализ выявленных концептуальных метафор, который позволяет раскрыть сущность конвенциональных способов осмысления действительности, присущих автору, а также спрогнозировать коммуникативные удачи или неудачи, возникающие в процессе дистантной коммуникации писателя и читателя. Выполненное исследование вносит вклад в развитие теории понимания в ситуации дистантного общения, а также подтверждает положения когнитивной лингвистики, которые фиксируют обусловленность понятийной системы человека опытом его физического взаимодействия с окружающим миром.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика текста, художественный дискурс, стратегия понимания, иноязычная лексика, коммуникативный ход, концептуальная метафора.

Антропоцентрический вектор современной лингвистики обусловил синтез собственно лингвистического и коммуникативно-прагматичес-

кого анализа любого языкового материала. Условно задача не только исследователей, но и современных писателей, так как перед ними сто-

ит необходимость эффективного коммуникативного планирования в условиях дистантного речевого взаимодействия с читателем, который не всегда адекватно интерпретирует стратегии автора. Проблема опосредованного текстом взаимодействия между коммуникантами может быть рассмотрена в рамках коммуникативной лингвистики и интерпретативной семиотики [Гайер]. Исследования в этом русле являются, безусловно, актуальными в связи с тем, что принципы и потенции коммуникативных тактик и стратегий сейчас находятся на начальном этапе активной разработки. В аспекте вербального влияния изучаются разные типы дискурса: юридический (Сафронов (2004); Третьякова (2004); Голев (2004) и др.), паремиологический (Фаттахова (2008); Файзуллина (2012); Кулькова (2014) и др.); политический (Иссерс (2003); Ершов (2000); Демьянков (2001) и др.). Работами в русле интерпретации художественного текста, в частности, известны У. Эко, А. Вежбицкая, А. Залевская, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Т. А. Трипольская, Г. И. Богин и другие. Активно вопросом исследования интерпретативного плюрализма и интертекстуальности в рамках разноструктурных языков занимаются ученые Казанской лингвистической и тюркологической школы, в том числе Н. Н. Фаттахова [Фаттахова], Н. И. Файзуллина [Файзуллина], С.С. Сафонова, О. А. Чупрякова [Сафонова, Чупрякова], Р. Р. Замалетдинов, А. М. Галиева [Галиева, Замалетдинов], Г. Р. Галиуллина, Н. Ф. Галиева [Галиуллина, Галиева]. Однако исследования стратегий понимания иноязычных элементов в современном художественном тексте – вопрос, который только становится объектом изучения лингвистов, что, безусловно, обуславливает новизну предпринятого исследования.

Эмпирическим материалом для анализа послужили иноязычные вкрапления (преимущественно на английском языке), полученные методом сплошной выборки из бестселлера современного российского писателя Сергея Сергеевича Минаева «Dухless: повесть о ненастоящем человеке» [Минаев].

Идиостиль эпатажного современного писателя Сергея Минаева представляет собой крайне интересный материал для лингвистического анализа с точки зрения разных аспектов языка, который уже попадал в сферу нашего внимания [Мубаракшина, 2013], [Мубаракшина, 2014], [Мубаракшина, 2015]. Он является результатом компиляции двух противоречащих по сути и по функциональности стратегий: с одной стороны, Сергей Минаев – писатель, описывающий мир бизнеса, светских раутов, «гламура» и присущих

ему атрибутов и представителей, поэтому его романы, на первый взгляд, можно отнести к разряду беллетристики и развлекательной литературы. С другой – художественное пространство романов Минаева – текст настолько сложной организации, что при детальном анализе можно найти не только реминисценции к классической литературе, но и отсылки к поэтике русских и зарубежных эстрадных исполнителей. Такого рода авторские отступления переключают внимание читателя с сюжета повествования на размышления над философскими вопросами, что придает романам писателя две основные отличительные черты: интертекстуальность и афористичность.

Речевая коммуникация есть стратегический процесс, в качестве средства реализации которого выступает случайный (бессознательный), а также намеренный отбор собственно языковых и внеязыковых максим, которые используются автором с целью воздействия на адресата [Иссерс, с. 10]. Вслед за А. А. Волковой мы считаем, что для создания удобопостижимого текста автору необходимо обращаться к коммуникативным тактикам, упрощающим процесс интерпретации, полагаясь в той или иной степени на «языковую способность интерпретатора» [Волкова, с. 4].

В романе «Dухless» нами были выявлены и проанализированы 3 основные коммуникативные тактики, которые обеспечивают адекватную интерпретацию заимствованных лексических сегментов: коммуникативная тактика дефиниции, коммуникативная тактика описания, а также контекстуальная коммуникативная тактика.

1. Тактика дефиниции является кратким или развернутым определением к понятию, вербализованному посредством иноязычной лексики. Данная тактика реализуется в романе в первую очередь посредством коммуникативного хода авторской дефиниции: *Год назад я начал сочинять пронзительный, на мой взгляд, текст, который не удастся никак закончить. Это можно назвать красивым словом writer's block, ну а если по-русски – совсем нечего больше придумать* (здесь и далее разрядка наша – А.М.).

Определение, как видим, может сопровождаться авторской интенцией создать комический эффект при переводе английского выражения на русский, однако в большинстве случаев Сергей Минаев просто расшифровывает названия известных брендов посредством указания продукции, которая выпускается под этими брендами: *Мишка достаёт из-за дивана дорожную сумку «Hermes», вынимает из нее бутылку шампанского «Dom Ruinart» и коробку с шестью бокалами «Riedel».*

В ходе анализа нами была найдена яркая концептуальная метафора, выраженная иноязычным вкраплением, которая отражает манифестацию современного общества в качестве «бездуховных» персонажей компьютерной игры, что директивно поддерживает общий пафос романа: *Компьютерная игра в режиме реального города под названием «NIGHT PEOPLE»*. В данном случае метафорическое выражение служит опорным инструментом исследования понятийной системы автора: регулярное вкрапление абстрактных или конкретных образов применительно к описанию современного общества, по мнению Лакоффа и Джонсона, говорит о наличии в сознании автора соответствующей концептуальной метафоры бездуховного общества [Лакофф, Джонсон, с. 28]:

В конце концов, они превратились в тени людей, в некое подобие невидимок, которые могут выходить из дома только в ночное время суток, когда искусственное освещение скрывает то, что под оболочкой из макияжа, платья «Prada», джинсов «Cavalli» или костюма «Brioni» – скрыта пустота. Именно поэтому вы никогда не встретите их днем на улицах Москвы. Боязнь, что кто-либо увидит, что под темными очками «Chanel» нет никаких глаз, а их лица просто нарисованы, заставляет их оставаться днем дома.

За соседним с нами столом еще одна компания просматривает журнал «Robb Report» и вслух обсуждает какие-то новые модели яхт и часов.

Регулярность использования наименований иностранных брендов одежды в тексте дает основание полагать о наличии в сознании автора примата несоответствия внешнего вида представителей социума их внутреннему миру, что позволяет, опираясь на концепцию объяснительной лингвистики, подняться с уровня регистрации языковых фактов до уровня их предсказания. Справедливости ради заметим, что чем пафоснее и респектабельнее вербально репрезентована внешность героя, тем менее грамотна его речь и уровень начитанности и образованности соответственно.

Единичны найденные нами в проанализированном материале случаи коммуникативного хода синонимизации в реализации стратегии дефиниции: *На полном серьезе такие люди давали друг другу интервью, где умоляли не называть «милболы» тефтелями, «нудлс» лапшой, а «инфьюжен» травяным чаем.*

С точки зрения исследования композиционной организации, упомянутая тактика может быть затекстовой или внутритекстовой. Внутритекстовая дефиниция может быть оформлена без

графических средств или скобок. Затекстовое определение, следовательно, обычно представляется в виде «словаря» или сноски. Например:

– Как Ян Шрагер и Стив Рабелл?⁴

⁴Ян Шрагер и Стив Рабелл – владельцы клуба «STUDIO 54» в Нью-Йорке. Клуба, ставшего легендой мировой ночной жизни.

– Я... (на лбу Паши собираются морщины) я был занят офисной работой. И потом, ситуация не требовала моего аутсорсинга со стороны подчиненных.

¹Аутсорсинг (сленг) – от *outsource* – привлечь третьих лиц для выполнения работ.

Очень часто Сергей Минаев берет в качестве эпиграфа отрывки из англоязычных песен, при этом не давая, разумеется, авторского перевода, либо именует главы романа на английском языке, сопровождая немногочисленные единичные лексемы переводом: *Часть первая Get Rich Or Die Tryin¹; Часть вторая «Insomnia»⁶*. При этом указание на язык-источник не обязательно:

¹Разбогатеи или сдохни, пытаясь....

⁶Бессонница (англ.).

Данные примеры позволяют говорить о компиляции тактики дефиниции и перевода.

Развернутая авторская метафора в рамках художественного текста, в сравнении с обыденной, имеет мощный иллокутивный потенциал. Персонаж или образ, подвергающийся процессу авторской метафоризации, является своего рода проекцией целого набора авторских ассоциаций. Метафорическая оценка в каждом конкретном случае выходит на первый план, затмевая имеющиеся собственные признаки рассматриваемого референта. Принимая во внимание эту особенность, автор иногда лишает читателя возможности оценочной эвристики, сообщая, помимо дефиниции иноязычного элемента текстового пространства, его коннотативный подтекст: *В Riverside Mordors¹ начинается новый день...*

¹Мордор – обитель Черного Властелина, цитадель абсолютного зла в трилогии Толкиена «Властелин Колец».

2. Коммуникативную тактику описания, в отличие от коммуникативной тактики дефиниции, характеризует зачастую гораздо более пространное раскрытие смысла иноязычной лексемы. Такого рода авторское описание может включать в себя и определение данного понятия, и собственные писательские пояснения относительно содержания данного понятия:

Наш милый офис находится в одном из первых бизнес-центров города. В Riverside Towers, этой цитадели корпоративного ужаса. Само название, по замыслу его создателей, должно, вероятно, вызывать у работающих в нем ассоциации с такими ажурными дворцами на берегу благословенной реки. Но у меня лично с первого дня работы оно вызывает ассоциации с жуткими готическими замками или юдолями зла из романов-фэнтези. Ранним зимним утром, когда на улице еще не слишком светло, кирпичные башни загораются восковыми глазницами окон, как ожившая иллюстрация к книгам Толкиена.

Видим, что авторский комментарий иногда является развернутым, что обнаруживает интроспекцию как ведущий принцип создания вербальных образов на основе собственных ассоциаций. Объяснить манеру писателя в этом случае можно также отсутствием знаний о статусно-ролевых характеристиках потенциальных читателей, что мотивирует конструирование многогранного контекста с целью более достоверной интерпретации реалий иноязычного происхождения [Скребцова, с. 36]. Образность в данном конкретном случае – неотъемлемый атрибут номинации.

Интересно зачастую наблюдать за сочетанием концептуальной и узуальной метафоры: *Он, Паиска-фейсконтрольщик, истинный властитель дум. Ведь именно этот ночной страж решает, попадете вы в конечном итоге в мир мумий, достаточно ли близко вы уже подошли к нему или еще нет.* В данном случае *фейсконтрольщик* – заимствование, которое трактуется посредством набора языковых «стертых», или «мертвых», метафор [Скребцова, с. 46], образность которых отчетливо ощущается носителями языка и которые представляют собой конвенциональный способ осмысления действительности. С точки зрения графического оформления, тактика перевода в данном случае реализуется посредством коммуникативного хода переводческой транскрипции. В другом примечательном примере этот же ход используется в обратном варианте: русская фраза переводится на английский язык методом транслитерации с сохранением единственной английской аутентичной лексемы: *Но на каждый вопрос подобного рода они всегда готовы ответить историей про то, как у них отняли блестящий и доходный бизнес казнокрады-чиновники или krytie bandity from Taganka Area.* Отчасти можно сказать, что иноязычное вкрапление выполняет функцию эвфемизма, так как описание относится к чиновникам.

3. Контекстуальная коммуникативная тактика обрामлена рамками вербального контекста: это

значит, что трактовка иноязычного вкрапления, задействованного в тексте, возможна только после прочтения ближайшего языкового окружения лексемы или ознакомления со всем текстом: *Еще имеются три стопки музыкальных дисков, выпущенных модными клубами Москвы, Питера и Европы. Как аудиосвидетельства моей night fever: от «Zeppelin» до «Costes».*

Примеры, содержащие названия или отрывки аутентичных музыкальных произведений, очень часто встречаются в романе. Справедливо сказать, что этот факт также может характеризовать писателя как человека, разбирающегося в зарубежной эстрадной музыке, а также определить спектр его музыкальных пристрастий: *А в голове у меня играет Moby – «We're all made of stars», хотя геолог этого, естественно, не знает.* Справедливо отметить, что микроконтекстуальный вербальный ход, который дает основание определить значение иноязычного вкрапления в рамках одного предложения, констатируется достаточно часто, что ускоряет и упрощает процесс интерпретации текста.

Реализация макроконтекстуального вербального хода встречается не так часто, однако найденные контексты постулируют тезис «Предложение не может ничего значить для вас, пока вы его не поймете» [Лакофф, Джонсон, с. 208] и предлагают читателю тип опосредованного понимания: *Бездомные сидели в общественных столовых, не снимая шапок, перчаток с обрезанными пальцами и табличек, висящих на груди, с надписью: «HOMELESS. WILL WORK FOR FOOD»;* *Глядя на бездуховные лица наших московских мумий, мне так и хочется развесить им на груди таблички со слоганом: «DUXLESS. БУДУ РАБОТАТЬ ЗА ЕДУ (И ШМОТКИ)».* *А ниже логотип Dolce & Gabbana.*

Опосредованно трактуемые иноязычные лексемы многочисленны и репрезентируют разные сферы человеческой жизни. Нельзя не отметить, что в тексте романа многочисленны заимствованные лексемы-наименования современных компьютерных программ и мессенджеров, популярных в начале 2000-х: *Проверяю почту, отвечаю в ICQ. Так проходит минут пять; За это время я преодолел путь от робкого и несведущего пользователя программы Outlook Express до завязатого интернетчика; Воскресенье начинается для меня с веб-серфинга. Я открываю ноутбук, захожу в Интернет и нажимаю в строке браузера WWW.LITPROM.RU.*

Выбор верных коммуникативных тактик в процессе написания произведения может стать

причиной «коммуникативной удачи» или «неудачи» [Волкова, с. 81]. В этом случае автор, как правило, рассчитывает на знание пресуппозиции языковых реалий, на эффективность применения коммуникативных ходов [Иссерс], [Волкова], а также на собственное умение спрогнозировать уровень языковой и внеязыковой компетенции реципиента.

Благодаря систематическому использованию тактик, приводящих к «коммуникативной удаче», текст становится похожим на «ризому и становится умопостигаемым» [Гайер, с. 12].

Причиной «коммуникативной неудачи» часто становится использование автором неконвенциональных языковых знаков, которые пока не стали социально приемлемыми и чужеродность которых осознается и адресантом, и реципиентом:

То, что невозможно замылить и извратить никакими мифическими «маркет-ресёрчами» и «филд-репортами». Голая правда. И ничего, кроме правды. Посему линейный сейлс – это главные люди любой торговой компании.

Так, например, А. А. Волкова выделяет две группы потенциальных причин коммуникативных неудач [Волкова, с. 17]:

1) психосоциальные различия в картинах мира, обусловленные неодинаковым социокультурным фоном коммуникантов; несовпадение когнитивных векторов читателя и автора: *Voх popуlit*, скажу я вам, – страшная сила.

Коммуникативная неудача может достигаться намеренно:

– Этот имажь похож на гангста-фильм «Scar Faced» с Аль Пачино, ву компроне? (Продолжает он на англо-русско-французском диалекте.) Этот гора корн лукс лайк а (он делает паузу) драг, ю си? Нашь консьюмер не есть гангста. И это очень демеджь имажь брэнда и может вызывать уконсьюмер не хо-роший филлинг. О'кей? И у нас есть проблем, который нада решить. Вот что я хотель говорить.

Такой своего рода текстовый языковой бленд, ограниченный рамками монолога персонажа-иностранца, обусловлен не только необходимостью включения иностранной лексики в языковой портрет, но и авторской интенцией создать эффект непонятности не только для читателя, но и для других участников описываемой коммуникации.

Коммуникативная неудача может быть обусловлена отсутствием знаний о молодежных субкультурах: *Этакий застрявший в восьмидесятых фанат брейк-данса. Я сразу окрестил его про себя брейкером.*

Или простым незнанием иностранного языка: *Будь я на месте ребят из «NIKE», я бы точно сменил промо-слоган для территории России с «Just do it» на «Do something»;*

2) объективная лингвистическая множественность интерпретации текста, недостаточность коммуникативных тактик, обеспечивающих трактовку текста в заданном русле [Там же]:

– А называться будет «Concorde», что естественно? – ехидничает Вадим. – Называться будет «Jet Lounge». И название мы не будем менять даже для самых крупных инвесторов, – так же ехидно отвечает Саша.

Невозможно однозначно трактовать название клуба, так как номинатив *concord* в языке-источнике имеет в среднем 8 значений (1. Согласие. 2. Гармония. 3. Содружество. 4. Соглашение. 5. Созвучие. 6. Соглашение. 7. Договор. 8. Конвенция.), а *jet* в разных сочетаниях реализует порядка 25 смыслов [Академик].

В этой связи стоит отметить, что Сергей Минаев систематически прибегает к тактике концептуальной интеграции, описанной в работах Фоконье и Тернера [Fauconnier, Turner], при которой происходит образование новых понятий при фактическом совмещении несовместимого: *Кладбище haute couture. С гробами по индивидуальному заказу. Срок доставки – полгода.* Французское *haute couture* (от-кутор) дословно означает «высокое шитьё» [Академик], что неприменимо к производству изделий из древесины и в очередной раз гипертрофирует сарказм, направленный на создание пышного внешнего облика даже для тех, кому это уже неважно.

Концептуальная интеграция может провоцировать коммуникативные неудачи достаточно часто, так как она может стать причиной предвзятости суждений и искажений в трактовке, которые зачастую бывают достаточно сложно обнаружить по причине неосознанности и машинальности данной операции для писателя: *Послушай, в этом сентябре «First», «Poison» и «Bad» будут делать самолет на уик-энд в Турцию?.*

С другой стороны, продолжает А. В. Волкова, отсутствие коммуникативных стратегий стимулирует собственную интерпретационную деятельность реципиента и мотивирует к дальнейшему поиску отсутствующей в сознании информации, что может трактоваться как тактический психологический ход передачи когнитивной инициативы читателю [Там же].

По справедливому замечанию О. Иссерс, в процессе непосредственного межличностного взаимодействия каждый говорящий стремится в

своих интересах повлиять на когнитивные процессы, которые происходят в слушающем, дабы направить вектор речевого взаимодействия в благоприятное и целесообразное для него русло [Иссерс, с. 189]. Однако стоит отметить, что дистантное общение (в нашем случае автора и читателя) не дает никакой возможности адресанту распознать особенности коммуникативной ситуации, характерные приметы целевой аудитории, специфику протекания когнитивных процессов, задействованных в данном конкретном речевом акте, и, безусловно, социокультурный фон. Зачастую основным способом верификации «верности» трактовки читателем коммуникативных посылов для современных авторов остается метод интроспекции, то есть наблюдение автором себя как носителя языка, что, в свою очередь, ненамеренно обусловливает непосредственную целевую аудиторию определенного интеллектуального, социального, физического и возрастного уровня своих художественных текстов.

Бесспорно, с целью успешной реализации стратегии понимания художественного текста автор должен равным образом учитывать экстралингвистические факторы и осознавать, что интерпретация – процесс сложный, комплексный и многоступенчатый.

При всем выявленном структурном разнообразии способов и особенностей репрезентаций коммуникативных тактик, облегчающих процесс понимания иноязычных элементов, встроенных в тесты романа Сергея Минаева, можно было обнаружить определенную (но не строгую) закономерность. Тактике авторской дефиниции свойственна опора на интроспективный метод, который характеризуется опорой на личный психоэмоциональный опыт писателя при определении заимствованной лексики. Многочисленные примеры, в которых наблюдается тактика описания, часто вербализуют концептуальные метафоры и имеют скрытый иллюкутивный подтекст. Контекстуальная тактика чаще всего реализуется посредством микроконтекстуального коммуникативного хода, что ускоряет интерпретативный процесс.

Полагаясь на проведенный анализ, справедливо отметить, что применительно к роману «Duhless» Сергея Минаева стратегии обеспечения понимания иноязычных вкраплений являются не обязательным, а вспомогательным средством реализации генеральной стратегии воздействия на читателя. Коммуникативно-прагматические установки автора при этом обусловлены в основном дистантной формой взаимодействия.

Список литературы

Академик. URL: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения: 11.10.2019)

Волкова А. А. Коммуникативные тактики, обеспечивающие понимание журнальных текстов с иноязычными вкраплениями // Актуальные проблемы журналистики. Материалы научно-практической конференции молодых ученых. Томск: УПК «Журналистика», 2008. С. 79–84.

Гайер К. Е. Семиотическая интерпретативная стратегия понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения (на материале текстов научных работ У. Эко и романа «Маятник Фуко»): дис. ... канд. филол. наук: Барнаул, 2015. 216 с.

Галиева А. М., Замалетдинов Р. Р. Ассоциативная множественность в татарском языке: коммуникативные факторы и лексические классы // Филологические науки в МГИМО. 2018. №1(13). С. 22–29.

Галиуллина Г. Р., Галиева Н. Ф. Эмоциональный потенциал компонентов значения слова (на материале современной татарской прозы) // Филология и культура. Filology and Culture. 2014, №4 (38). С. 51–56.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. 288 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Минаев С. DUXLESS: Повесть о ненастоящем человеке. URL: <https://e-libra.ru/read/108313-duhless-povest-o-nenastoyaschem-cheloveke.html> (дата обращения: 21.10.2019)

Мубаракшина А. М. Парадигматические отношения лексем со значением «нравственность» // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 4 (34). С. 76–81.

Мубаракшина А. М. Синтагматические отношения лексем, вербализующих категорию «нравственность» // Вестник Томского государственного педагогического университета. Tomsk State Pedagogical University Bulletin (TSPU Bulletin). 2014. № 9 (150). С.14–19.

Мубаракшина А. М. Смысловое поле категории «нравственность» в романах Сергея Минаева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 118–124.

Сафонова С. С., Чупрякова О. А. Особенности репрезентации оппозиции богатые / бедные в языковом пространстве массмедиа // Теоретические и практические вопросы изучения русского языка в аспекте региональной картины мира. Казань: Изд-во Казан. унта, 2018. С. 114–121.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 392 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Файзуллина Н. И. О способах репрезентации неба и небесных светил в народной загадке // Филология и культура. Philology and culture. 2016. № 4 (46). С. 57–60.

Фаттахова Н. Н. Псевдоприметы: верить или нет? // Филологические науки в МГИМО: Литерату-

поведение и лингвокультурология. 2018. № 4 (16). С.106–113.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22, № 2. С. 133–187.

References

Akademik [Academician]. URL: <https://translate.academic.ru/> (accessed: 11.10.2019). (In Russian)

Fattakhova, N. N. (2018). *Psevdoprимety: verit' ili net?* [Pseudo-Omens: Believe Them or Not?]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO, Literaturovedenie i lingvokul'turologiya*. No. 4 (16), pp. 106–113. (In Russian)

Fauconnier, G., Turner, M. (1998). *Conceptual Integration networks*. Cognitive Science. Vol. 22, No. 2, pp. 133–187. (In English)

Faizullina, N. I. (2016). *O sposobakh reprezentatsii neba i nebesnykh svetil v narodnoy zagadke* [On the Ways of Representing the Sky and Celestial Bodies in Folk Riddles]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (46), pp. 57–60. (In Russian)

Galiullina, G. R., Galieva, N. F. (2014). *Emotsional'nyi potentsial komponentov znachenii slova (na materiale sovremennoi tatarskoi prozy)* [Components of Word Meaning and Their Emotional Potential (based on modern Tatar prose)]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (38), pp. 51–56. (In Russian)

Galieva, A. M., Zamaletdinov, R. R. (2018). *Assotsiativnaya mnozhestvennost' v tatarskom iazyke: kommunikativnye faktory i leksicheskiye klassy* [Associative Plurality in the Tatar Language: Communicative Factors and Lexical Classes]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO*. No. 1 (13), pp. 22–29. (In Russian)

Gaiier, K. Ye. (2015). *Semioticheskaya interpretativnaya strategiya ponimaniya tekстов, svyazannykh otnosheniyami vzaimoproniknoveniya (na materiale tekстов nauchnykh rabot U. Eko i romana "Maiatnik Fuko")* [A Semiotic Interpretative Strategy for Understanding Texts Related to Interpenetration Relations (based on the texts of U. Eco's scientific works and the novel "Foucault's Pendulum": Ph.D. Thesis]. Barnaul. 216 p. (In Russian)

Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 288 p. Moscow, URSS / URSS; LKI. (In Russian)

Lakoff, Dzh. Dzhonson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivem* [The Metaphors We Live In]. Pod red. i s predisl. A. N. Baranova. Moscow, Editorial URSS. 256 p. (In Russian, in English)

Minaiev, S. *Duhless: Povest' o nenastoyaschem cheloveke* [Spiritless: A Tale of a Fake Person]. [Internet-resurs]. URL: <https://e-libra.ru/read/108313-duhless-povest-o-nenastoyaschem-cheloveke.html> (accessed: 21.10.2019). (In Russian)

Mubarakshina, A. M. (2015). *Smyslovoe pole kategorii "nравstvennost'" v romanakh Sergeya Minayeva* [The Semantic Field of the Category of "Morality" in the Novels by Sergei Minaev]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. No. 1, pp. 118–124. (In Russian)

Mubarakshina, A. M. (2013). *Paradigmaticheskiye otnosheniya leksem so znacheniyem "nравstvennost'"* [Paradigmatic Relations of Lexemes with the Meaning of "Morality"]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (34), pp. 76–81. (In Russian)

Mubarakshina, A. M. (2014). *Sintagmaticheskiye otnosheniya leksem, verbalizuyushchikh kategoriyu "nравstvennost'"* [Syntagmatic Relationships of Lexemes with a Value "Morality"]. *Vestnik tomского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Tomsk State Pedagogical University Bulletin (TSPU Bulletin)*. No. 9 (150), pp. 14–19. (In Russian)

Safonova, S. S., Chupriakova, O. A. (2018). *Osobennosti reprezentatsii oppozitsii bogatye / bednye v iazykovom prostranstve massmedia* [Features of the Representation of the Opposition, Rich / Poor in the Linguistic Media Space]. *Teoreticheskiye i prakticheskiye voprosy izucheniya russkogo iazyka v aspekte regional'noi kartiny mira*. Pp. 114–121. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Skrebtsova, T. G. (2018). *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskiye teorii, novye podkhody* [Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches]. 392 p. Moscow, Izdatel'skii Dom YASK. (Razumnoe povedenie i iazyk. Language and Reasoning). (In Russian)

Volkova, A. A. (2008). *Kommunikativnye taktiki, obespechivayushchie ponimanie zhurnal'nykh tekстов s inoiazychnymi vkrapleniyami* [Communicative Tactics Providing Understanding of Journal Texts Interspersed with Foreign Languages]. *Aktual'nye problemy zhurnalistiki. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. Tomsk UPK "Zhurnalistika"*. Pp. 79–84. (In Russian)

The article was submitted on 30.11.2019
Поступила в редакцию 30.11.2019

Мубаракшина Анастасия Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
blondy010888@mail.ru

Mubarakshina Anastasia Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
blondy010888@mail.ru